

Г Я Ё Р Ъ

БАЙРОНА.

Г Я У Р Ъ

БАЙРОНА.

ПЕРЕВЕДЕТЬ

ЕВГЕНІЙ МИШЕЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ
ГОРЕНФЕЛЬДЕНА И К^О.

1862.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Августа 1862 года.

Г Я У Р Ъ;

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ ПОВѢСТИ (1).

„Роковое воспоминаніе — горе, бросающее холодную тѣнь на наши радости, печали — послѣ котораго жизнь не можетъ дать ничего болѣе яснаго, ни болѣе мрачнаго; радость не счастливить, а скорбь не мучить.“

Муръ.

(1) Гяуръ былъ напечатанъ въ 1813 г., и увеличилъ славу Байрона, начавшуюся первыми двумя пѣснями Чайльдъ-Гарольда. Замѣтно, что въ гяурѣ, первой романической его поэмѣ, стихосложеніе выказываетъ его предпочтеніе къ неправильному размѣру «Кристабеля Колериджа,» усвоенному Вальтеръ-Скоттомъ въ Lay of the last minstrel. Что касается отрывочнаго изложенія гяура, то мысль эту онъ заимствовалъ отъ «Колумба» Роджерса. Нельзя сказать, чтобъ сюжетъ почерпнуть былъ имъ на Востокѣ потому, что до его путешествія туда Байронъ изучилъ исторію турокъ. «Старый Кнолесь,» говорилъ онъ въ Миссолонги за нѣсколько недѣль предъ смертію, была одна изъ первыхъ книгъ, которая въ дѣтствѣ доставила мнѣ удовольствіе и имѣла, какъ мнѣ кажется, большое вліяніе на мою рѣшимость быть на Востокѣ, а можетъ быть была причиной восточнаго колорита, какимъ отличаются всѣ мои произведенія. На страницѣ книги Дизраелъ «очерки характера литературы» мы находимъ слѣдующія замѣтки: Кнолесь, Кантемиръ, Де-Тотъ, Леди Монтегю, Гаукнуса переводъ — исторіи турокъ Миньо, арабскія ночи — всѣ путешествія и рассказы о Востокѣ, которыя мнѣ попадались подъ руку, были мною прочитаны ранѣе 10-ти лѣтняго возраста.

САМУЕЛЬ РОДЖЕРСУ.

Какъ слабое, но искреннѣйшее выраженіе удивленія къ его дарованію, уваженія къ его характеру и признательности за его дружбу.

Это произведеніе посвящено, его обязаннымъ и преданнымъ слугою.

Байронъ.

Лондонъ. Мая 1813 г.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Разсказъ этотъ, въ несвязныхъ отрывкахъ, основанъ на событіяхъ, встрѣчающихся на Востокѣ нынѣ рѣже чѣмъ въ былыя времена, отъ того - ли что женщины стали осторожнѣе прежняго или отъ того, что христіане стали болѣе ловки или менѣе предприимчивы. Повѣсть эта въ цѣломъ заключала описаніе жизни молодой невольницы, которая по мусульманскому обыкновенію, была брошена въ море за невѣрность. Молодой Венеціанецъ, ея любовникъ, отомстилъ за нее; въ то время Венеціанская республика владѣла семью островами. Арнауты были изгоняемы изъ Мореи, которую они разоряли вслѣдъ за вступленіемъ Русскихъ. Побѣгъ майнотовъ, послѣдовавшій отъ того что имъ было отказано въ грабежѣ Мизитры, остановилъ предпріятіе, что повело къ совершенному опустошенію Мореи, въ

кой обѣ стороны совершали злодѣянія и жестокости. небывальна въ лѣтописяхъ правовѣрныхъ⁽¹⁾.

Г Я У Р Ъ.

Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не зыбнеть волны, которая шумитъ подъ могилой Афинянина⁽²⁾. Мелькая на скаль, могила эта первая привѣтствуетъ издалека корабль, плывущій къ его родинѣ, которую онъ спасъ напрасно; когда же опять появится такой герой?

.

Дивный климатъ! гдѣ каждое время года привѣтливо улыбается счастливымъ островамъ. Видъ ихъ, смотря съ Колонскихъ высотъ, восторгаетъ сердце и придаетъ этому уединенію невыразимое очарованіе. Тамъ шека океана въ гибкихъ ямкахъ отражаетъ тѣни скаль, ловимыя рѣзвою влагою, которая омываетъ этотъ эдемъ восточныхъ волнъ; когда же легкой вѣтерокъ встревожитъ синюю гладь кристалла водъ и налету порхнетъ въ цвѣтущія рощи — то какъ отрадно въ себя вдыхаешь воздухъ, который пробуждаетъ и разноситъ всюду благоуханіе.

.

(1) Пропсшествіе, въ которомъ Байронъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, подало ему первую мысль объ этой поэмѣ, но житіе будто-бы онъ былъ любовникомъ этой дѣвочки, несомнѣтельно. Молодая женщина, которой онъ спасъ жизнь въ Афинахъ была, по увѣренію Гобгоуза, любовницею его слуги турка. О подробностяхъ этого дѣла, представленнаго Маркизою Слиго, можно справиться въ запискахъ Томаса Мура.

(2) Гробница Фемистокла.—Кумберландъ говоритъ въ своемъ «Наблюдателѣ», что на ней написаны стихи Платона, соединяющіе трогательность съ простотою.

Тамъ, въ скалахъ . и въ долинахъ . роза — султанша соловья (1), дѣва, для которой его мелодіи и тысячи пѣсней далеко оглашаютъ воздухъ — цвѣтеть, краснѣя отъ нѣжныхъ напѣвовъ своего любовника; его царицу — садовъ царицу розу — тамъ вѣтеръ не тревожить, снѣгъ не знобитъ; вдали отъ стужи запада, лелеемая теплымъ вѣтромъ круглый годъ, она, взамѣнъ природою данной красоты, возноситъ къ небу свой нѣжный гимнамъ и благодарно шлетъ къ нему пахучій вздохъ и первый колоритъ своей красы. Какъ много тамъ лѣтнихъ цвѣтовъ, какъ много тѣнистыхъ кустовъ, благопріятныхъ для любви; какъ много гротъ, гдѣ отдохнуть или пирату дать пріютъ, когда въ засадѣ его челнъ чей-либо парусъ сторожить до той поры пока гитара моряковъ (2) не зазвучитъ и не взойдетъ вечерняя звѣзда; тогда тихонько онъ гребетъ, подкрадываясь въ тѣни прибрежныхъ скалъ; нападаетъ ночной грабитель на добычу и взамѣнъ рондо моряковъ раздается ихъ смертный стонъ. Странно — что тамъ гдѣ природа съ любовью, какъ будто для боговъ избрала жительство и пролила на этотъ рай все свои милости и очарованіе, тамъ человѣкъ, по страсти къ разрушенію, приводитъ все въ опустошеніе. Безмысленно онъ ходитъ по цвѣ-

(1) Любовь соловья и розы—извѣстная персидская басня; если не ошибаюсь, «Юльбия въ тысячѣ одной ночи», есть одно изъ его наименованій. Такъ Месиги, въ переводѣ сэръ Вильяма Джонса, говорить: — «Приди прелестная дѣва! послушай пѣсни твоего поэта о тебѣ, о роза! Птицъ весны любви велитъ пѣть, и ея величіе будетъ исполнено; всеявися: весенніе цвѣты скоро завянутъ.»

(2) Гитара—ночью, когда на морѣ тихо или въ хорошей попутный вѣтеръ, греческіе моряки поютъ или танцуютъ подъ звуки гитары.

тамъ, всегда цвѣтущимъ въ странѣ прекрасной безъ его ухода; сами вскакиваютъ изъ земли, предупреждая его трудъ и нѣжно просятъ у него лишь одного — пощады! Странно — что тамъ, гдѣ все спокойствіемъ дышетъ, страсти необузданно буннуютъ, а грабежь и насиліе дико властвуютъ, помрачая этотъ прекрасный край. Какъ будто черти вырвавшись изъ родины ихъ — ада, изгнавши Серафимовъ, нагло возсѣли на престолъ неба; какъ мѣстность эта хороша и создана для счастья, такъ злы и гнусны злодѣи, угнетающіе ее.

Кто всматривался въ мертвую⁽¹⁾ въ первый же день ея кончины — въ первый мрачный день небытія — въ послѣдній день опасности и мученія, пока рука разрушенія не стерла черты, въ которыхъ еще таится красота; тотъ замѣчалъ ли кроткое, ангельское выраженіе, восторженное спокойствіе, неподвижныя, но нѣжныя черты стелящіяся по томному безжизненному лицу? Не будь знобящій, неподвижный глазъ, который не искрится, не шевелится и не плачетъ; не будь холоднаго чела, носящаго печать безстрастія могилы, которая наводитъ ужасъ на душу зрителя, какъ-будто можетъ перейти къ нему то состояніе, которое онъ съ боязнію созер-

(1) Мнѣ кажется не многіе изъ читателей имѣли случай повѣрить то, что я здѣсь описалъ, но тѣ, которые обращали на это вниманіе, вѣроятно сохранили воспоминаніе о странной красотѣ, которую почти всегда выражаютъ черты лица нѣсколько часовъ послѣ того, какъ духъ оставилъ тѣло. Забѣчено, что при насильственной смерти, происходящей отъ огнестрѣльнаго оружія, выраженіе лица всегда бываетъ томное но спокойное, какова-бы ни была энергія умершаго; если же онъ палъ отъ удара кинжаломъ, лице сохраняетъ страшное выраженіе и состояніе души отражается на немъ до послѣдней минуты.

цаеть. Да,—не будь это и только это, то есть мгновение. есть часъ обманчивый одинъ, когда можно усомниться въ могуществомъ смерти — такъ много прелести, спокойствія и нѣжной грусти въ первомъ ея проявленіи!

Таковъ видъ этихъ береговъ; все же Греція, по не живая Греція. Такъ холодно-спокойна, такъ мертво-прекрасна, но вздрагиваетъ невольно! — Души въ ней нѣтъ. Красота ея — миловидность смерти, не исчезающая вдругъ съ исчезнувшимъ дыханіемъ; красота съ зловѣщимъ румянцемъ, идущимъ въ гробъ, послѣдній лучъ отступающаго выраженія, послѣднее зарево души предъ разрушеніемъ, прощальный слѣдъ исчезнушаго чувства! Искра небеснаго огня, быть можетъ, которая освѣщаетъ, но болѣе не согрѣваетъ свой любимый прахъ.

Родина незабвеннаго воина! гдѣ долины и горныя пещеры были отчиной свободы или могилой славы. Прахъ великаго мужа! можетъ-ли быть что это все, что отъ тебя осталось? Поги сюда, ползучій рабъ, скажи не здѣсь-ли Термонилы? Вотъ это море, что передъ тобой — постыдный сынъ отцовъ свободныхъ — говори, какое это море, а это что за берегъ? Заливъ и скалы Саламина! возстань, отбей назадъ эти мѣста, исторіи они не безызвѣстны; разрой въ пепелищѣ твоихъ предковъ искру ихъ прошлаго огня; и тотъ кто падеть въ бою, прибавить имя къ именамъ, которыя наводятъ дрожь на тиранію; оставь своимъ сынамъ на-

дежду, славу и, въ свою очередь, они умрутъ, но не укроются стыдомъ; разъ начата за свободу борьба, завѣщанная сынамъ отцовской кровью, можетъ встрѣтить неудачи, но торжество несомѣнно. Къ тебѣ взываю Греція! страницы твоей живой исторіи говорятъ о многихъ славныхъ подвигахъ. Межъ тѣмъ какъ многіе лежатъ въ пыли мрачнаго забвенія, оставивъ за собою лишь пирамиды безъ именъ; твои герои построили болѣе прочный памятникъ горами своей отчизны, хотя и тутъ время, общій всему удѣлъ, разсѣяло камни ихъ гробницъ. Тамъ муза указываетъ туристу гробницы тѣхъ, которые не умираютъ! Долго рассказывать и грустно исчислять шагъ за шагомъ, какъ ты изъ славы пала въ срамъ, довольно — не могъ пришедшій врагъ попортить твой духъ, пока сама ты духомъ не упала. Да—самоуниженіе продолжило путь цѣпямъ позорнымъ и ярму деспотизма.

Что можетъ рассказать тотъ, который посѣщаетъ твои берега? Ни одной легенды старины, ни темы, могущей вдохновить музу какъ въ былыя времена, когда здѣсь человѣкъ былъ достоинъ твоего климата. Сердца, взмужавшія въ твоихъ долинахъ и, пылкія души, которыя могли бы вести твоихъ сыновъ на славныя подвиги, теперь отъ колыбели до могилы ползаютъ какъ рабы, — нѣтъ какъ рабы другаго раба ⁽¹⁾ — равнодушны ко

(1) Афины принадлежатъ Кизлеръ-Агѣ, ему же поручено наблюденіе за женщинами серали; онъ назначаетъ воеводу. Еянузъ и сводникъ управляетъ въ настоящее время правителемъ Афинъ.

всему кромѣ преступленій; погружены въ пороки, которые срамятъ людей, самыхъ близкихъ къ животнымъ; ни въ комъ нѣтъ даже дикой храбрости, ни доблестнаго сердца, ни чувствъ свободы. За то снуеть онъ по соседнимъ портамъ, промышляя плутовствомъ и древней хитростію, вошедшими въ пословицу; вотъ въ этомъ лукавый грекъ все тотъ же и только этимъ въ славу онъ. Свобода тщетно взывала-бы къ сердцамъ, сроднившимся съ раболѣнствомъ и напрасно пыталась-бы поднять выю, которая сама лезетъ въ ярмо. Обѣдствіяхъ Греціи я больше говорить не буду, но расскажу случай страшный, и всякій слушатель пойметъ каково было тому, который первый его слышалъ.

.
.

Мрачныя скалы далеко стелятъ тѣнь свою на синее море; рыбаку кажется что видитъ въ ней онъ лодку пирата или майнога; боясь за легкій свой канкъ ⁽¹⁾ онъ украдкой минуеть ближайшій, но подозрительный заливъ: не смотря на усталость отъ тяжкихъ трудовъ послѣ обильной ловли, онъ гребетъ тихо но сильно, пока не доберется до безопаснаго берега Порто-Леоне, при лунномъ свѣтѣ восточной ночи.

.

Кто тамъ какъ громъ несется, на черномъ конѣ ⁽²⁾ съ распушенными удилами? Отъ стука желѣзныхъ под-

(1) Канкъ — лодка.

(2) Рассказъ турецкаго рыбака, который, проведя день на ловлѣ въ Егейскомъ заливѣ, возвращается вечеромъ на лодкѣ въ гавань Леоне, древніе Пирей, и боится майноговъ

ковъ просыпается эхо окрестныхъ пещеръ — повторяя за скокомъ скокъ, за стукомъ стукъ. Пѣна клубится по его коню какъ пѣна океана: хотя усталыя волны спятъ спокойно, но въ груди фздока спокойствія нѣтъ. На завтра собирается буря, а волны слабѣе волнуются чѣмъ грудь твоя гяуръ молодой!

Тебя не знаю, твой родъ я ненавижу, но на лицѣ твоёмъ я вижу что-то такое, чего время не изгладитъ, а утвердить: на блѣдномъ молодомъ твоёмъ челѣ замѣтенъ слѣдъ борьбы страстей; хотя твой дикій взоръ потуплень, а самъ стремишься какъ метеоръ, но ясно вижу я, что ты одинъ изъ тѣхъ, кого сны Османа должны убить или избѣгать.

Впередъ — впередъ спѣшили онъ и удивленный взоръ мой понесся вслѣдъ за нимъ: хотя промчался онъ какъ демонъ ночи и съ глазъ моихъ исчезъ, но видъ его, онъ самъ — произвели тревожное волненіе въ моей груди, и долго въ моихъ ушахъ гремѣлъ галопъ его коня. Вотъ — онъ шпоритъ своего коня; онъ приближается къ утесу, нависшему надъ пропастію; онъ миноваль его, онъ мчится далѣе и — скрылся за скалою; я знаю что бѣгущій не радъ глазамъ, которые за нимъ слѣдятъ; и всякая звѣзда сіяетъ слишкомъ ярко для того кто такъ бѣжитъ и въ такой часъ.

грабителей Аттики; онъ былъ случайнымъ очевидцемъ всѣхъ обстоятельствъ драмы, въ которой самъ является дѣйствующимъ лицомъ. Его собственнымъ впечатлѣніямъ или скорѣе его богобоязненному признанію — мы обязаны нѣкоторыми лучшими мѣстами этой поэмы.

Джорджъ-Элисъ.

Онъ мчится далѣе; на всемъ скаку онъ оглянулся какъ-бы въ послѣдній разъ; на мигъ остановилъ коня, далъ ему духъ перевести; на мигъ онъ всталъ на стремена — зачѣмъ онъ смотритъ вдаль, поверхъ лавровой роици? Тамъ, на горѣ, виднѣется магометанская луна. На вершинахъ минаретовъ горять огни; хотя слишкомъ далеко, чтобъ можно было слышать выстрѣлы тюфенка ⁽¹⁾, но зарево отъ каждаго залпа означаетъ радость мусульманъ. Сегодня первый вечеръ Рамазана; сегодня вечеромъ начало праздника Байрама; сегодня вечеромъ.... — но кто и что такое ты въ одеждѣ иностранной, съ ожесточеніемъ на лицѣ? какое дѣло до всего этого тебѣ или твоимъ что ты, то останавливаешься, то бѣжишь?

Онъ остановился — то ужасъ выразался на его челѣ, то замѣняла его злоба. Она выказывалась на лицѣ не внезапной краской мимолетнаго гнѣва, а блѣдностію мрамора могиль. Потупя неподвижный взоръ, онъ поднялъ руку, замахнулся, кулакомъ злобно погрозилъ, какъ-будто былъ въ нерѣшимости бѣжать или вернуться; конь сдержанный на всемъ скаку отъ нетерпѣнія заржалъ — внизъ опустилась вдругъ рука и судорожно схватила рукоятъ меча; звонъ стали внезапно прервалъ его задумчивость и онъ очнулся, какъ вскакиваетъ отъ сна пробужденный крикомъ совы. Опять онъ шпорить

(1) Тюфенкъ — ружье. Байрамъ объявляется пушечнымъ выстрѣломъ тотчасъ по заходѣніи солнца, послѣ этого мечети палкоминуются и во всю ночь раздаются ружейные залпы.

воронаго; бѣжить — бѣжить, за жизнь свою несется онъ; конь рвется изъ-подъ сѣдока, съ стремительною джеридо (1), пущеннаго твердою рукою: и конь и всадникъ усекали за скалу; эхо не отдаетъ болѣе раската быстраго галона; не стало видно ни головы христіанина, ни гордаго лица его.

Онъ только на мгновеніе сдержалъ коня, которымъ правилъ такъ сурово и только на мгновеніе остановился, потомъ помчался какъ-будто смерть гналась за нимъ. Но въ это одно мгновеніе въ его душѣ промчались годы его прошлаго и въ этой каплѣ времени слились жизнь скорби, вѣкъ преступленій. Кто любитъ, ненавидитъ или страшится, въ томъ такой мигъ залетѣть всю душу страданіями многихъ лѣтъ: что же чувствовалъ онъ, въ комъ всѣ душевныя скорбы тѣснились вдругъ? О, кто можетъ измѣрить объемъ времени, заключавшагося въ этомъ мгновеніи его задумчивости: едва замѣтный въ пространствѣ времени, мигъ этотъ былъ вѣчностію для мысли. Мысль, объемлющая сознаніе — хранящее въ самомъ себѣ скорбь, для которой нѣтъ названія, надежды, ни конца — безконечна какъ неизмѣримое пространство.

Часъ прошелъ, гяуръ умчался, ушелъ-ли онъ, или погибъ? Вудь проклять часъ, когда онъ появился или исчезъ! Вичь за грѣхи Гассана, онъ былъ присланъ для того, чтобы превратить его дворецъ въ могилу:

(1) Джеридъ — заостренное копые. Турецкіе набѣдники бросаютъ его съ неподражаемою ловкостью.

Пришелъ. ушелъ онъ какъ Симумъ⁽¹⁾, предвѣстникъ смерти, разрушенія; отъ его удушливаго дыханія мретъ кинарисъ, дерево печали, которое груститъ даже тогда, когда чужому горю нѣтъ слѣда, и носитъ онъ одинъ по мертвымъ трауръ безъ конца.

Въ конюшнѣ коня нѣтъ; въ дворцѣ Гассана невольниковъ невидно; на стѣнахъ одинокій паукъ вѣетъ паутину; въ тиши его гарема витаетъ летучая мышь, а на сигнальной башнѣ замка его могущества сидитъ сова; у изсякшаго пруда воеетъ изхудавшій отъ голода и жажды песъ; мраморный фонтанъ занесенъ пылью, заросъ травой, воды въ немъ нѣтъ. Когда-то было весело смотрѣть, какъ бьющая струя разсыпалась дождемъ сребристымъ въ фантастическихъ узорахъ и, распространяя сладострастную прохладу, оживляла кругомъ зеленую траву. Приятно было, въ тихій вечеръ, при свѣтѣ звѣздъ безоблачнаго неба, смотрѣть на волны влажнаго свѣта и слышать въ ночной тиши ихъ мелодичный шумъ. Какъ часто, бывъ еще ребенкомъ, Гассанъ игралъ у этого каскада; какъ часто засыпалъ онъ на рукахъ матери подъ его шопоть; какъ часто голосъ красоты силетаясь съ говоромъ фонтана, плѣнялъ слухъ юнаго Гассана. Но больше никогда, къ закату дня, Гассана старость тутъ отдыхать не будетъ: струя, питавшая фонтанъ исчезла, — кровь, согрѣвавшая сердце Гассана пролита. Здѣсь больше никогда голосъ чело-

(1) Симумъ—вѣтръ пустыни, смертельный для каравановъ, о которомъ часто говорится въ восточныхъ повѣстьяхъ.

вѣтскій не огласится. негодованіемъ, сожалѣніемъ, радостію. Послѣдній печальный звукъ, заглушенный вѣтромъ—былъ дикій, предсмертный стонъ женщины. Онъ замеръ въ молчаніи, все стало тихо, только ставень у окна хлопаетъ при сильномъ вѣтрѣ: плещеть-ли дождикъ, реветъ-ли ураганъ,—ни чья рука его не притворяетъ. Въ пескахъ пустыни радъ встрѣчать какой-нибудь слѣдъ человѣка, такъ и здѣсь—даже голосъ горя, пробуждая эхо, былъ-бы утѣшеніемъ—по крайней-мѣрѣ онъ говорилъ бы: „не все ушли; здѣсь жизнь таится, хотя въ одномъ“—тутъ много раззолоченныхъ покоевъ, въ которыхъ пуста можетъ не обитать.

Разрушеніе точитъ медленно внутренность замка—а печаль стоитъ снаружи у порога; ни факирь, ни даже странствующій дервишъ не останавливаются у него, — ни подаваніе, ни гостепріимство здѣсь не ждутъ ихъ; усталый странникъ не заходитъ дѣлить благословенную „хлѣбъ-соль“. Богатство, нищета, равно проходятъ мимо, не замѣчая и незамѣченными, съ тѣхъ поръ, что радуніе и милосердіе (1) пали съ Гассаномъ подъ горой. Такъ домъ его, пристанище людей, сталъ голоднымъ вертепомъ раззоренія.

Гости бѣжали изъ замка, а рабы отъ работъ, съ тѣхъ поръ, какъ сабля невѣрнаго разсѣкла чалму Гассана!

.

(1) Известно, что гостепріимство и щедрость считаются главными добродѣтелями по закону пророка и—сказать правду—мусульмане строго его соблюдаютъ. Самая большая похвала, которая можетъ быть сказана о какомъ-либо вождѣ та, что онъ щедръ и гостепріименъ; храбрость дѣло второстепенное.

Я слышу шумъ приближающихся шаговъ, но ни чей голосъ до моего слуха не доходитъ; еще ближе—я различаю каждую чалму и ятаганы въ серебряной оправѣ; впереди идетъ Емиръ въ зеленомъ кафтанѣ (1); „гей, кто ты?“—„этотъ низкій селамъ (2) показываетъ, что я принадлежу къ мусульманскому закону“.—„Ноша, которую вы такъ осторожно несете, какъ видно требуетъ особенной бережливости; должно быть она содержитъ что-либо драгоцѣнное; — лодка моя къ вашимъ услугамъ“.

„Ты говоришь дѣло; отвязи лодку и отнеси насъ отъ берега; но паруса не распускай, а гребни скорѣе до пол-пути отъ этихъ скалъ, гдѣ глубоко и мрачно спитъ вода. Теперь стой—вотъ такъ, хорошо; я полагаю едва-ли это не самое длинное путешествіе, которое довелось совершить одной изъ“

.

Кладь тяжело погрузилась въ воду и стала медленно опускаться; плескъ пробужденной волны докатился до берега; я наблюдалъ, какъ она тонула и мнѣ казалось, что я замѣчалъ какое-то странное движеніе на поверхности воды—но это былъ лишь лунный свѣтъ, игравшій на трепещущей струѣ. Я все еще смотрѣлъ, какъ постепенно она исчезала съ глазъ моихъ: сперва казалась величиною съ камушекъ, потомъ все меньше

(1) Зеленый цвѣтъ — любимый цвѣтъ потомковъ пророка.

(2) Селамъ-алекумъ, алекумъ-селамъ, миръ съ вами, будь счастливъ — такъ приветствуютъ правовѣрные другъ друга. Христианину говорить «урдула» — счастливаго пути или «Сабанъ хярасемъ, сабанъ серула» — доброе утро, добрый вечеръ.

и меньше. потомъ лишь съ бѣлое пятно. сіяющее какъ алмазинка на водѣ, и—наконецъ изчезло все—такъ тайна эта, запрятанная спить; она извѣстна лишь духамъ глубины. которые. дрожа въ коралловыхъ пещерахъ, не смѣютъ даже прошептать объ ней волнамъ.

.....

Какъ въ зеленыхъ степяхъ Кашемира парица бабочекъ Востока (1), порхая пурпуровыми крыльями, манить дитя ее преслѣдовать и увлекаетъ его за нею гнаться до утомленія отъ цвѣтка къ цвѣтку, потомъ поднявшись высоко, вдругъ улетаетъ, оставляя его съ разбитымъ сердцемъ, съ слезами на глазахъ.

Такъ красота прельщаетъ взрослога дитя блестящею красой и рѣзвостію движеній; преслѣдованіе. полное страха и надеждъ. начатое шалостью, кончается слезами. А если онѣ дадутъ себя словить, то горе ожидаетъ красавицу и бабочку: какъ отъ шалости дитяти, такъ отъ прихоти человѣка — жизнь скорби, потеря спокойствія; милая игрушка, такъ страстно преслѣдуемая, теряетъ все очарованіе, когда ее поймашь. Каждое прикосновеніе уносить ея блестящій цвѣтъ; когда же изчезнуть и цвѣтъ и прелесть и красота—даютъ ей улетѣть или пасть одной. Съ израненными крыльями или съ разбитымъ сердцемъ. увы! гдѣ каждая изъ этихъ жертвъ найдетъ спокойствіе? Можетъ ли бабочка съ поблекшими крыльями летать какъ прежде отъ тюльпана къ розѣ. можетъ ли красавица, увядшая въ одно мгно-

(1) Лазурная бабочка Кашемира, считается самой рѣдкой и самой красивой изъ всѣхъ.

веніе найти счастливыхъ дней?... Нѣтъ: рѣзвыя бабочки, вокругъ ее норхающія, не опустятъ крыльевъ надъ погибающей; женщины сострадательны ко всякому паденію кромѣ собственнаго и горе всякаго пробьетъ въ ихъ глазахъ слезу, но не стыдъ сестры заблудшей.

.
Душа, которая таитъ преступныя страданія, похожа на скорпіона, окруженнаго пламенемъ (¹). Пылающій кругъ все болѣе и болѣе сѣуживается, пламя все ближе его окружаетъ; тѣснимый нестерпимыми мученіями, страданія приводятъ его въ бѣшенство и въ изступленіи онъ прибѣгаетъ къ единственному облегченію: жало, которое онъ берегъ для своихъ враговъ и его ядъ неотразимый, онъ вонзаетъ въ самого себя, кончая разомъ жизнь свою и всѣ страданія;—такъ умираетъ человѣкъ съ душою мрачной и преступной, или живетъ какъ скорпіонъ, въ огненномъ кругѣ; такъ корчится сердце, когда его гложетъ тоска: оно не создано для неба, на землѣ нестерпимо, надъ нимъ мракъ, подъ нимъ отчаяніе, кругомъ пламя, въ срединѣ смерть.

Мрачный Гассанъ бѣжитъ отъ своего гарема; взоръ его не останавливается болѣе на образѣ женщины; онъ предался охотѣ, но и это его не тѣшитъ. Гассанъ былъ не тотъ, когда Леила была въ его гаремѣ. Да

(¹) Далласъ говорить, что Байронъ сказалъ ему, что сравненіе съ скорпіономъ ему пришло. Нѣкоторые ученые приписываютъ самоубійство скорпіона безсознательному судорожному движенію, другіе видятъ въ этомъ дѣйствіе воли. Скорпіоны безспорно очень заинтересованы въ разрѣшеніи этого вопроса. Если будетъ рѣшено, что они Катоны, то могутъ жить сколько имъ угодно и не будутъ умирать мучениками гипотезы.

развѣ Леилы уже нѣтъ? Только Гассанъ могъ бы отвѣчать на это: странные толки въ нашемъ городѣ твердятъ, что она послѣ послѣдняго заката солнца Рамазана⁽¹⁾, когда тысячу огней сіяли на минаретахъ, возвѣщающая безпредѣльному Востоку о наступленіи Байрама, подъ предлогомъ что идетъ въ бани, гдѣ озлобленный Гассанъ отыскивалъ ее напрасно, она, переодѣвшись пажемъ черкесскимъ, скрылась отъ гнѣва своего властителя и за предѣлами мусульманскаго могущества оскорбила его съ невѣрнымъ гяуromъ. Гассанъ что-то подозрѣвалъ; но она была такъ искренна, онъ такъ ее любилъ; такъ довѣрялъ той, чья измѣна заслуживала смерти, что въ этотъ самый вечеръ онъ сперва пошелъ въ мечеть, потомъ поспраздничать въ кіоскъ. Таковъ разсказъ его нубійцевъ, которые такъ плохо стерегли довѣренный имъ кладъ; иные говорятъ, что въ эту ночь, при трепещущемъ свѣтѣ блѣдной фингара⁽²⁾, кто-то видѣлъ гяура, на ворономъ конѣ, мчавшагося по берегу во весь духъ, но не было съ нимъ на сѣдлѣ ни юной дѣвы, ни пажа.

.....

Разсказать очарованіе ея черныхъ очей — напрасно; но посмотри въ глаза газели, они помогутъ твоему воображенію; такъ были полны нѣжной грусти, большіе черные ея глаза, что въ каждой искрѣ, сіяющей изъ-подъ рѣсницъ, душа блистала какъ брилліантъ Джамшида⁽³⁾.

(1) Къ закату солнца пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ конецъ Рамазана, т. е. поста.

(2) Фингара — луна.

(3) Знаменитый рубинъ султана Джамшида. Онъ называется шехгерагъ, свѣтильщикъ ночи, чаша солнца. Въ первомъ изданіи Джамшидъ былъ написанъ тремя слогами, соглас-

Да, душа! и если-бы самъ пророкъ сказалъ мнѣ, что столько красоты ничто иное какъ одушевленный прахъ, во имя Аллаха я отвѣчалъ бы ему: „Неправда.“ хоть стой я въ это время на вершинѣ Эль-Сирата (1), висящаго надъ огненной рѣкой, имѣя предъ глазами рай куда-бы меня заманивали туріи (2).

О! кто-бы могъ, читая въ глазахъ Леилы, сохранить вѣру въ законъ, который говоритъ что женщина лишь прахъ, бездушная кукла, созданная для сладострастія Тирана (3). Всѣ муфтіи увидя ее, признали-бы что въ ея глазахъ сіяетъ безсмертіе; на неувыдающемъ румянцѣ ея ланить гранатное (4) дерево цвѣло цвѣтами, всегда свѣжими; когда она, вкругу подругъ, распускала косы, то кольца локонъ распадались какъ кисти гіацинтовые (5), и катались на мраморномъ полу, на которомъ ея нога казалась бѣлѣе горнаго снѣга, до его паденія на землю отъ роднаго облака.

но правописанію Гербелота. Но Ричардсонъ сдѣлалъ изъ нихъ два, я въ текстѣ сохранилъ правописаніе одного съ произношеніемъ другого. Байронъ.

(1) Эль-Сиратъ — мостъ тоньше паутины, острѣе меча, чрезъ который каждый мусульманинъ долженъ проходить, чтобъ понасть въ рай. Другой дороги нѣтъ. Всего хуже то, что подъ этимъ мостомъ находится адъ, въ который падаютъ всѣ тѣ, которые не тверды на ногу, подтверждая такимъ образомъ *facilis descensus Avernî*, что не слишкомъ утѣшительно для того, который идетъ въ слѣдъ.

(2) Туріи — дѣвы рая; онѣ такъ называются по большимъ чернымъ глазамъ—Гюръель-Оюнъ. Бесѣда съ ними, по общаніи Магомета, составляетъ высшее блаженство на томъ свѣтѣ для правовѣрнаго. Туріи созданы не изъ земли какъ прочія женщины и одарены невыразимыми прелестями и вѣчною молодостію.

(3) Ошибочное мнѣніе—коранъ предоставляетъ добродѣтельнымъ женщинамъ треть рая. Но большая часть мусульманъ объясняетъ этотъ текстъ ложно и исключаетъ изъ рая женщинъ. Они не признаютъ никакихъ духовныхъ свойствъ другою полу и находятъ, что женщины вполнѣ могутъ быть замѣнены туріями.

(4) Восточное сравненіе, которое можетъ казаться *plus arabe qu'en arabie*.

(5) Гиацинтъ, по арабски сюнбюль. Сравненіе это встрѣчается въ стихотвореніяхъ турецкихъ и древнихъ грековъ.

Какъ лебедь величаво скользитъ по водамъ, такъ дочь Кавказа—прекестный лебедь Франгистана (1) ходила по землѣ. Какъ въ гордомъ гнѣвѣ онъ подымаетъ гребень и бьетъ волну крыломъ свѣсивымъ, когда шаги чужаго человѣка подходятъ къ берегамъ, границамъ его водъ; такъ подымала Леила свою бѣлую шею:—такъ вооружалась она своею красотой, чтобъ отразитъ незванный взглядъ или заставить потупить безумный взоръ, отъ красоты его чарующей; какъ полна была ея походка достоинства и граціи; какъ сердце было нѣжно для друга ея сердца; но другъ ея — Гассанъ суровый, кто былъ онъ? Увы! названіе это было не для тебя!

.

Гассанъ со свитой 20 вассаловъ, вооруженныхъ, какъ слѣдуетъ, винтовкой и ятаганомъ, пустился въ путь; предводитель снаряженъ какъ на войну, съ мечомъ за поясомъ, запачканнымъ чистѣйшею арнаутскою кровью, въ тотъ день, когда мятежники засѣли въ ущелье; спаслось изъ нихъ не много, чтобъ рассказать, что происходило въ долину Парнѣ. Пистолеты, заткнутые за кушакъ когда-то принадлежали какому-то пашѣ и не смотря на то, что они осыпаны драгоцѣнными камнями и золотомъ оправлены, разбойники не смѣютъ даже взглянуть на нихъ. Говорятъ, Гассанъ ѣдетъ искать невѣсту, вѣрнѣе той, которая его бросила — той вѣроломной невольницы — которая бѣжала съ гяуромъ!

.

(1) Франгистанъ — страна черкесовъ.

Последніе лучи солнца озаряютъ вершины горъ и серебрятся въ ручьѣ фонтана; его чистую, прохладную воду благословляетъ житель горъ; тутъ разнощикъ грекъ можетъ предаваться отдыху, котораго онъ искалъ напрасно въ городахъ, расположенныхъ близко отъ его властителей, изъ страха за собственность свою. Тутъ можетъ онъ спокойно спать; его никто здѣсь не увидитъ; рабъ въ людской толпѣ, въ пустынѣ онъ свободенъ, и можетъ осквернить бокаль виномъ запретнымъ, котораго мусульманинъ не долженъ пить.

.

Передовой татаринъ показался у выхода изъ горъ; онъ отличается желтой шапкой; за нимъ поодаль отрядъ тянется цѣнью по длинному ущелью; сверху гора увѣнчана утесомъ, гдѣ точатъ коршунны свой кровожадный клевъ, какъ будто въ нынѣшнюю ночь для нихъ настанетъ пиръ, который соблазнитъ ихъ спуститься въ долину до разсвѣта; внизу, струя зимней рѣченки, при наступленіи лѣтняго зноя ушла, оставивъ за собою пустое блѣдное русло, на которомъ кой-гдѣ кустарникъ растетъ и сохнетъ; по обѣимъ сторонамъ тропинки лежатъ гранитные обломки, оторванные временемъ или молніей отъ горнаго хребта, закутаннаго въ туманѣ неба; вѣдь гдѣ же тотъ, который видѣлъ Ліакура съ непокрытымъ челомъ?

.

Наконецъ они доѣхали до сосновой рощи: „Бисмилла (1), теперь опасность миновала и вотъ подалее, впереди.

(1) Бисмилла!—во имя Бога; этимъ начинается каждый стихъ корана, кромѣ одного. Этимъ же словомъ турки всегда начинаютъ молитву.

лежитъ равнина, тамъ мы поскачемъ во всю прыть,“ — сказалъ вожатый и едва онъ кончилъ, какъ пуля свистнула надъ его головою; передовой татаринъ палъ!

Едва успѣли они остановиться и быстро соскочить съ коней, какъ трехъ уже не стало; невидимъ врагъ который смерть наноситъ и павшіе требуютъ мщенія напрасно. Съ обнаженной саблей или съ винтовкой наготовѣ одни, свѣсившись съ сѣдла, стараются укрыться лошадьми; другіе прячутся за ближайшую скалу, въ ожиданіи нападенія, не желая подвергаться выстрѣламъ невидимаго непріятеля, который не смѣетъ вступить въ открытый бой.

Гассанъ одинъ пренебрегая опасностію, съ коня не слѣзаетъ а ѣдетъ далѣе, но залпъ, раздавшійся впереди доказываетъ, что шайка разбойниковъ приняла свои мѣры, чтобъ не ушла отъ нихъ добыча въ единственный выходъ къ спасенію. Тогда борода Гассана оцетинилась ⁽¹⁾ отъ бѣшенства, глаза его дико засверкали: „пусть пули свищутъ кругомъ меня, я выходилъ и не изъ такой западни.“ Въ это время непріятель выходитъ изъ засады и требуетъ, чтобъ его отрядъ сдался, но строгій взглядъ Гассана и его суровый голосъ страшнѣе вражьяго меча: никто оружія не кладетъ и не кричитъ „аманъ“ ⁽²⁾. Разбойники, выходятъ на открытое мѣсто

⁽¹⁾ Явленіе это бываетъ не рѣдко у озлобленныхъ турокъ. Въ 1809 году, во время дипломатической аудіенціи усы капитана-паши въ гнѣвѣ взерошились какъ у тигра, къ общему ужасу драгомановъ. Казалось, что эти страшные усы мѣнялись въ цвѣтъ, но наконецъ, они опустились, чѣмъ было спасено большее число головъ, чѣмъ было въ нихъ волосъ.

⁽²⁾ Аманъ — помилуй!

и подходят ближе и ближе; нѣкоторые изъ нихъ гарцуютъ на конѣ. Кто это ѣдетъ впереди. у кого въ рукѣ окровавленной сверкаетъ иностранный мечъ? „Это онъ! это онъ! теперь я узнаю его: я узнаю его по блѣдному челу; я узнаю его по дурному глазу ⁽¹⁾, сообщнику его коварныхъ дѣлъ; я узнаю его по черному коню; теперь одѣтъ онъ арнаутомъ. какъ видно отступился отъ своей вѣры. но это не спасетъ его отъ смерти. Это онъ! добро пожаловать любовникъ Лейлы. гяуръ проклятый!“

Какъ рѣка стремительно катитъ въ океанъ мутный потокъ свой. какъ море. противопоставя ей лазурный, гордый строй. частымъ прибоемъ ее гонитъ вспять среди крутящейся пѣны, мѣшающейся съ нимъ струи. тогда какъ клокочущій вихрь и дробящіяся волны неистовствуютъ при ревѣ сѣвернаго вѣтра; сквозь блестящія брызги въ раскатѣ громовомъ. сверкаетъ водяная молнія, и свѣтомъ страшной бѣлизны озаряетъ дрожащій подъ ударомъ берегъ—какъ сталкиваются при встрѣчѣ рѣка и море ожесточенными волнами, такъ схватываются враги, когда ихъ сводитъ судьба. взаимная месть и злоба.

Бряпаніе рубящихся мечей. пальба вдали. вблизи. свистъ пуль. звучать въ испуганныхъ ушахъ; натискъ бойцовъ, крикъ, вопль и шумъ сраженія раздаются далеко въ долину. созданной скорѣе для тишины пастуха. Сра-

(1) Дурной глазъ — предрасудокъ, существующій на востокъ, выходящій сильное вліяніе на коварныхъ людей.

жающихъ числомъ не много, но въ ихъ бою никто не просить и не даетъ пощады; о! тѣсно жмутъ другъ друга два любящихся сердца въ упоеніи страстнаго поцалуя, но любовь такъ пламенно не жаждетъ всего того, что красота отдать желаетъ, какъ ненависть страстна въ послѣднемъ обниманіи двухъ враговъ, когда въ борьбѣ схватившись они обнимутъ одинъ другаго такъ, чтобы никогда не выпустить изъ рукъ. Друзья сойдутся и разойдутся; любовь смѣется надъ постоянствомъ; но истые враги, сойдясь однажды, до смерти не расходятся.

.

Съ изломанной у эфеса сабли струится кровь, которую она пролила; рука, отрубленная отъ тѣла, судорожно сжимаетъ саблю, которая измѣнила ея храбрости; чалма разрубленная пополамъ въ самомъ плотномъ мѣстѣ лежитъ поодаль на землѣ; изсѣченный въ куски кафтанъ испещренъ красными полосами, какъ утреннее облако, предвѣщающее, что день кончится бурей: на кустахъ, забрызганныхъ кровью, висятъ клочки его паламоры ⁽¹⁾; грудь его изодрана многими ранами; навшій Гассанъ лежитъ спиною на землѣ, а лицомъ къ небу; его открытые глаза устремлены на его противника, какъ будто послѣдній его жизни часъ еще оставилъ за собою неутоленное мщеніе; надъ нимъ стоитъ его соперникъ съ челомъ блѣднымъ, какъ блѣденъ тотъ, который исходитъ кровью передъ нимъ.

.

(1) Палампора — шаль съ цвѣтными узорами, которую носятъ обыкновенно лица знатныя.

„Да — Леила подь волнами спить, но онъ будеть имѣть кровавую могилу; духъ ея ловко направилъ мечъ къ этому коварному сердцу. Онъ звалъ пророка, но пророкъ безсиленъ былъ противъ мстительнаго гяура, онъ взывалъ къ Аллаху — но голосъ его былъ не замѣченъ или не услышанъ. О! сумасбродный мусульманинъ; могла-ли твоя молитва быть услышана, когда моленія Леилы прошли такъ! Я выбралъ время, присталь я къ арнаутамъ, чтобъ въ свою очередь подстеречь злодѣя; моя вражда пресыщена, мое дѣло сдѣлано, теперь я иду — но иду одинъ.“

.
.
.

Брянчатъ позвонки пасущихся верблюдовъ (1): мать Гассана посмотрѣла въ окно сверху, — она увидѣла внизу передъ глазами зеленыя пастбища, вспрыснутыя вечернею росою, видѣла едва мерцающія звѣзды на сводѣ неба: „Уже сумерки, они должны быть не далеко.“ Она не могла болѣе оставаться въ садовой бѣсѣдкѣ, а взошла взглянуть сквозь рѣшетку высокой башни. „Что значитъ, что не ѣдетъ онъ? Его быстрые кони не устаютъ отъ лѣтняго зноя; отъ чего же женихъ не шлетъ обѣщаннаго подарка? Развѣ сердце его стало холоднѣе, или его арабскій конь сталъ менѣе ретивъ? О, упрекъ

(1) Эти мѣста появились въ первый разъ въ третьемъ изданіи: посылаю вамъ оттиски, пишетъ Байронъ Муррею (16 Августа 1813 г.), я никогда не окончу эту адескую повѣсть. *Esse signum*, — еще тридцать три стиха; это мѣсто взято изъ библіи, книги судей глава V, стихи 28 и слѣдующіе.

напрасный! вонъ тамъ, вдали, передовой татаринъ показался на вершинѣ ближайшей горы; вотъ онъ спускается съ горы; теперь онъ ѣдетъ по долинѣ и везетъ мнѣ брачный подарокъ, который привязанъ къ луку сѣдла — ну какъ же я могла упрекнуть его гонца въ медленности? Я щедро заплачу ему за быстроту, за тяжкій путь.“

У воротъ татаринъ слѣзъ съ коня, но едва могъ устоять на ногахъ; его взволнованное лице выражало отчаяніе, но это могло быть дѣйствиємъ утомленія; одежда была запачкана кровью, но пятна эти могли происходить отъ раны его коня. Онъ вынулъ узелъ изъ-подъ куртки — Ангель смерти! вотъ разрубленный наплемникъ Гассана, вотъ разсѣченный его колъпакъ, кафтанъ окровавленный. „Мать, страшную невѣсту посваталъ сынъ твой! они меня пощадили не милосердія ради, а для того, чтобъ было кому принести тебѣ его кровавыя остатки. Миръ храброму! пролившему кровь свою! Проклятіе на гяура — это его дѣла!

.
Каменная чалма ⁽¹⁾ грубой рѣзбы, колонна, обросшая травой, на которой нынѣ едва можно прочесть надгробный стихъ корана — означаютъ мѣсто въ пустынной долинѣ, гдѣ палъ Гассанъ. Тутъ покоится чистѣйшій изъ османовъ, когда-либо колѣно преклонявшихъ въ

(1) Чалма надъ колоной и нѣсколько стиховъ корана, вотъ памятникъ османовъ какъ на кладбищѣ такъ и въ пустынѣ. Въ горахъ встрѣчаются часто подобные изваянники надъ павшими жертвами возстанія, грабежа или ищенія.

Меккѣ, неприкасавшійся устами къ чашѣ запретнаго вина, твердившій всегда молитву, лицомъ обращеннымъ къ святому храму, при воззваніи Алла-гу (1).

Онъ палъ отъ руки чужеземца въ родной землѣ; онъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ и смерть его осталась не отмщенною, но крайней мѣрѣ не отмщенной кровью. Но дѣвы рая зовутъ его въ свои чертоги и мрачное небо черныхъ глазъ гурій для него беудтъ вѣчно свѣтло. Онъ къ нему подходитъ, зовутъ, машутъ зелеными платками и поцалуютъ встрѣчаютъ храбраго (2). Кто палъ въ бою съ гяүромъ, тотъ заслужилъ безсмертное блаженство.

.

Но ты коварный невѣрный! ты будешь вѣчно скрежетать зубами подъ острой мучительной косою Монкира, (3) и если избѣгнешь этой пытки, то развѣ только для того, чтобъ блуждать вѣчно кругомъ престола Эблиса (4) гдѣ неугасаемый огонь будетъ жечь внутри и снаружи твое преступное сердце. Ни языку не рассказать, ни уху не услышать страданій внутренняго ада!

(1) Алла-гу! — Этими словами музунъ взоидя на вѣшнюю площадку минарета, оканчиваетъ призывъ къ молитвѣ. Валидъ сынъ Абдалмалека первый воздвигнулъ минареть. Онъ воздвигнулъ его надъ главной мечетью въ Дамаскѣ; на минареть входилъ музунъ, чтобъ возвѣщать о наступленіи времени молитвы. Въ послѣдствіи это обыкновеніе распространилось по всему Востоку. Д. ЕРЪЕЛОТЬ.

(2) Стихи эти написаны въ подражаніе греческой боевой пѣснѣ: «вижу, вижу райскую дѣву, глаза ея черные, чадра ея развѣвается по вѣтру; чадра зеленая и говоритъ она: «приди, поцалуй меня — я тебя люблю.»

(3) Монкиръ и Некиръ — инквизиторы смерти; они пытаются тѣло предварительными адскими терзаніями. Если отвѣты неудовлетворительны, то несчастнаго возносятъ косою къ верху и ударами раскаленнаго желѣза повергаютъ въ пропасть. Подобныхъ пытокъ много и нельзя сказать, чтобъ должность этихъ лицъ была синекурою. — Ихъ всего двое, а какъ грѣшниковъ болѣе чѣмъ праведниковъ, они всегда очень заняты.

(4) Эблисъ — сатана восточныхъ народовъ.

Сперва твой трупъ будетъ оторванъ отъ могилы и посланъ на землю въ образѣ вампира (1), для того чтобъ блуждать какъ страшное привидѣніе въ твоей родной странѣ и высасывать кровь у всей твоей родни. Тамъ, въ полночный часъ, ты будешь испивать по каплѣ жизнь твоей дочери, сестры, жены и матери, проклинать вѣчный пиръ, на который ты насильно будешь обреченъ, чтобъ питать свой синій живой трупъ; передъ смертію твои жертвы узнаютъ въ демонѣ — отца, брата, мужа и будутъ проклинать тебя, ты будешь проклинать ихъ, и будешь видѣть какъ цвѣты твои на корнѣ будутъ сохнуть. Одна изъ тѣхъ, которая погибнетъ за твое преступленіе, любимѣе и моложе всѣхъ благословитъ тебя, назвавъ отцомъ—слово это охватитъ твою душу пламенемъ! Но долженъ будешь ты исполнить свое предназначеніе и видѣть какъ исчезнетъ съ ея лица послѣдняя тѣнь жизни, послѣдній лучъ ея очей и какъ на вѣски стекломъ затянется послѣдній взглядъ; тогда безжалостной рукой ты сорвешь косы ея русыхъ волосъ, отъ которыхъ, когда ты былъ въ живыхъ, ты носилъ на сердцѣ завѣтный локонъ, какъ нѣжный залогъ твоей любви къ ней, а теперь ты понесешь ихъ, какъ воспоминаніе твоихъ истязаній.

(1) Вирванія въ вампировъ существуютъ до нынѣ на Востоку. Турнефоръ приводитъ длинный разсказъ Саути (Southey) въ запискахъ Тазаба, подъ именемъ Врукалакасъ (по румынскн Вардулаха). Я помню, что цѣлая семья пришла въ ужасъ отъ криковъ ребенка, которые происходили по ихъ убѣжденію, отъ пощщенія вампира. Греки не произносятъ никогда этого слова безъ ужаса. По моему мнѣнію Врукалакасъ есть древнее греческое слово, оно было примѣнено къ Арсенію, который по мнѣнію грековъ, былъ послѣ его смерти пощщенъ демономъ. Но въ новѣйшее время употребляютъ болѣе слово Вардулаха.

Скрежещущіе твои зубы и судорожныя губы будутъ истекать кровью (1) и тогда возвратясь въ свою чудовищную могилу, ступай, бѣшенствуй съ гулами и афритами пока и тѣ не отступятъ въ ужасѣ отъ призрака страшнѣе ихъ самихъ.

.

„Какъ зовутъ этого мрачнаго монаха? его лице я когда-то видѣлъ на моей родинѣ: уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ однажды мчался онъ ночной порою по уединенному берегу на такомъ быстромъ конѣ, на какомъ едва-ли кто когда-либо скакать. Я видѣлъ только разъ это лицо. но и тогда оно было запечатлѣно такой душевной скорбью, что я не могъ-бы пройти мимо его не узнавши; онъ и теперь въ такомъ же мрачномъ духѣ, какъ-будто смерть наложила на его челѣ печать свою.

„Въ это лѣто будетъ дважды три года, какъ онъ въ первый разъ къ намъ прибылъ; съ тѣхъ поръ онъ по охотѣ здѣсь живетъ, чему причиной какое-нибудь темное дѣло, о которомъ онъ не говоритъ. Но никогда ни у вечерней службы, ни у исповѣди колѣна не преклоняетъ, и вставая не шлетъ онъ къ небесамъ ни ѳиміама ладона, ни молитвы, но всегда сидитъ задумавшись одинъ, въ своей кельѣ; какой онъ вѣры и какой націи—неизвѣстно. Онъ прибылъ изъ-за моря, изъ магометанской

(1) Свѣжесть лица, губы истекающія кровью, таковъ отличительный признакъ вампира. Въ Венгріи и въ Греціи рассказываютъ много объ этихъ мнимыхъ чудовищахъ и рассказы эти подтверждаются еще болѣе невѣроятными свидѣтельскими показаніями.

страны и прямо съ берега пришелъ сюда; но не магометанинъ онъ, а скорѣе по лицу христіанинъ. Я счелъ-бы его за кающагося отступника отъ вѣры, не будь того, что онъ не бываетъ у святаго алтаря и не дѣлать съ нами ни священнаго вина, ни просвиры. Онъ много жертвовалъ въ пользу нашего монастыря и этимъ заслужилъ расположеніе настоятеля, но будь я здѣсь старшій, этотъ пришлецъ не пробылъ-бы у насъ ни дня; не то посадилъ-бы его на покаяніе въ особую келью, изъ которой-бы не вышелъ онъ и въ вѣкъ. Въ своихъ видѣніяхъ онъ бредитъ о женщинѣ, брошенной въ море, о рукопашномъ боѣ, о бѣгущемъ неприятелѣ, объ отомщенной обидѣ, объ умирающихъ мусульманахъ.

Онъ часто сидитъ у моря на скалѣ, гдѣ грезится ему, что видитъ онъ окровавленную, свѣжо-отсѣченную отъ тѣла руку, видимую ему одному, которая указываетъ вдаль на свою могилу и манитъ его броситься въ море“.

.
.

Взглядъ мерцающій изъ-подъ его капюшона какъ-то мраченъ и неестественъ; все его прошлое отражается въ тускломъ пламени его очей; не смотря на то, что выраженіе ихъ измѣнчиво и неопредѣленно, но часто они приводятъ въ смущеніе того, кто на нихъ смотритъ, потому что въ ихъ необъяснимомъ очарованіи видѣнъ высокомѣрный непокорный духъ, который требуетъ повиновенія; какъ птичка, взмахивая крыльями, старается

улетѣть отъ змѣи, которая на нее смотритъ — но не можетъ: такъ онъ васъ давитъ своимъ взглядомъ, отъ котораго нѣтъ силы оторваться. Монахъ, оставшись съ нимъ наединѣ, старается отъ него уйти, какъ будто этотъ взглядъ и горькая улыбка наводятъ на другихъ бѣду и ужасъ.

Онъ улыбается не часто, когда же онъ это дѣлаетъ, прискорбно видѣтъ, что его улыбка ничто иное, какъ насмѣшка надъ страданіемъ. Его блѣдныя губы то судорожно дрожатъ, то вдругъ, какъ-будто на всегда, становятся неподвижными, точно презрѣніе или горе ему на вѣки запретили смѣяться. Да и хорошо-бы; такая скорбная радость отъ веселія не исходила никогда. Было-бы еще грустнѣе прослѣдить какія чувства когда-то отражались на этомъ лицѣ: время еще на столько не установило его настоящее выраженіе, чтобъ не проглядывало на немъ, кое-когда и доброе среди злаго. Въ немъ проявляются не вполне еще изглаженные признаки души, не совершенно заглохшей въ преступленіяхъ, чрезъ которыя она прошла. Толпа въ немъ видитъ только олицетвореніе преступныхъ дѣлъ и заслуженнаго отверженія, но болѣе внимательный наблюдатель провидитъ въ немъ высокую душу и знатный родъ. Но увы! не смотри на то, что то и другое искажено страданіями и помрачено преступленіями, но свойства эти даются лишь избраннымъ натурамъ и на нихъ вниманіе останавливается съ какимъ-то чувствомъ близкимъ къ страху.

Развалившаяся хижина не обращает на себя вниманія проходящаго; но башня, разрушенная войною или бурей, въ которой уцѣлѣла хотя одна бойница, приковываетъ взоръ; каждый обвитый плющемъ сводъ или устоявшая колонна, говорятъ громко о минувшей славѣ.

„Закутанный въ широкій плащъ, онъ проходитъ медленными шагами подъ колонадою храма; на него смотрятъ съ ужасомъ, а онъ съ грустію смотритъ на священные обряды. Когда небесный гимнъ раздается на хорахъ и всѣ колѣна преклоняютъ, онъ тотчасъ удаляется; вотъ тамъ, на паперти, блуждаетъ тѣнь его, при блѣдномъ свѣтѣ догорающаго факела — тамъ онъ остается до окончанія службы — тамъ слушаетъ молитву, но самъ не молится. Взгляните у полуосвѣщенной стѣны—онъ на спину откинулъ клобукъ и черные его густые волосы небрежно вьются по блѣдному челу, какъ-будто сама Горгона обвила его черными змѣями изъ гнѣзда своей чудовищной головы; такъ какъ онъ монашескій обѣтъ принять не хочетъ, то носить волосы по свѣтски, но во всемъ прочемъ нарядъ его таковъ какъ нашъ; не изъ набожности, а изъ гордости онъ дѣлаетъ богатыя приношенія этому монастырю, который никогда не слышалъ отъ него ни клятвы, ни словъ молитвы.

Вотъ! въ то время, когда святое пѣніе возноситъ къ небу громкую хвалу—взгляните на его мертвенную блѣдность и на окаменѣлый видъ, выражающій то гордость, то отчаяніе. Святой Францискъ! удали его отъ

алтаря. не то кара небесная на насъ пошлется въ какомъ-нибудь видѣ. Если когда-либо злой духъ облекался въ человѣческой образъ, то въ такой: клянусь, надеждою въ прощеніи моихъ грѣховъ. что подобная наружность не могла быть созданіемъ ни неба, ни земли.

Нѣжныя сердца могутъ любить, но все́мъ существомъ любви не предаются. Онѣ слишкомъ робки для того, чтобы подвергаться все́мъ ея опасностямъ, слишкомъ слабы, чтобъ испытать и перенести отчаяніе. Только твердое сердце способно выносить страданія глубокихъ ранъ, которыхъ время изцѣлить не можетъ. Грубый металлъ, отломанный отъ руды, долженъ сперва перегорѣть, чтобъ заблестѣла его поверхность; брошенный въ пылающій огонь онъ смягчается и плавится — не измѣняясь въ свойствахъ (1); тогда послушный твоимъ нуждамъ или желаніямъ, онъ принимаетъ формы какія хочешь: орудія которымъ можешь защищаться или убить; панцыря для твоей защиты въ минуту опасности или меча, чтобъ пролить кровь твоихъ враговъ, но если сдѣланъ изъ него кинжалъ, то пусть берегутся тѣ, которые вздумаютъ согнуть его клинокъ. Такъ, огонь страстей и женское обольщеніе могутъ смягчить, сковать самое твердое сердце, дать ему желанный видъ и звукъ;

(1) Байронъ былъ обвиненъ въ позанимствованіи этого мѣста у Крабба, по этому случаю онъ писалъ одному пріятелю: «Я читалъ *British Review* и полагаю, что критикъ правъ въ нѣкоторомъ смыслѣ. Но обидно, что меня обвиняютъ въ кражѣ. Я никогда не знавалъ этого мѣста, а въ размѣрѣ стиховъ подражалъ Мильтону, Скотту и все́мъ другимъ, которые его употребляли. Гяуръ безспорно извергъ, но извергъ не опасный; потому что его чувства и дѣянія не найдутъ защитниковъ.

какимъ они его сдѣлають, такимъ онъ долженъ оставаться—но скорѣе разобьется, а не согнется.

.....

Когда послѣ скорби наступаетъ одиночество, прекращеніе страданій составляетъ лишь слабое облегченіе; сердце было-бы радо и горю, лишь-бы оно уменьшило его пустоту; то чего никто съ нами не раздѣляетъ для насъ невыносимо, даже счастье одному было-бы нестерпимо. Сердце, покинутое всѣмъ, наконецъ ищетъ утѣшенія — въ ненависти. Это тоже, если-бы мертвый могъ чувствовать, какъ холодный червь ползаетъ по немъ, и содрогаясь отъ прикосновенія гадинъ его грызущихъ, во время его разрушительнаго сна, не могъ-бы съ себя страхнуть холодныхъ потребителей его праха! Это тоже, если-бы птица пустыни ⁽¹⁾, разорвавши клювомъ себѣ грудь, для того чтобъ струею крови утолить голодь своихъ птенцовъ, не жалѣя своей жизни, чтобъ передать имъ жизнь — вдругъ увидѣла-бы оставленное ими гнѣздо пустое. Тягчайшія страданія въ сравненіи съ пустотой души и скукой незанятаго сердца — невыразимое блаженство. Кто пожелалъ-бы быть обреченнымъ созерцать вѣчно безсолнечное, безоблачное небо? Ревъ бури менѣе ужасенъ, чѣмъ вѣчное лишеніе борьбы съ волнами — чѣмъ быть выброшеннымъ — послѣ бури, какъ единственный обломокъ кораблекрушенія, — на счастливый берегъ, въ безмятежную гавань, въ глубокій штиль, невидимымъ ни кѣмъ, для того чтобъ спокойно

(1) Пелликашъ — птица эта питаетъ своихъ дѣтей своею кровью.

изнывать отъ скуки: — лучше погибнуть среди ожесточенныхъ волнъ, чѣмъ чахнуть медленно на берегу.

..
„Отецъ святой! ты мирно проведешь свою жизнь въ молитвахъ объ отпущеніи чужихъ грѣховъ, не испытавъ ни преступленій, ни печали, кромѣ проходящихъ огорченій, которыя достались на долю каждаго; таковъ быть твой удѣлъ отъ ранней юности до старости и ты благословляешь свою судьбу за то, что не подвергался терзаніямъ необузданныхъ страстей, о которыхъ знаешь только изъ исповѣди твоихъ грѣшниковъ, чьи грѣхи и горести ты хранишь въ своей груди. Жилъ я мало, но въ это время знавалъ я радость, а болѣе горя, и хотя жизнь моя была полна любви и тревогъ, за то я избѣжалъ однообразія скуки: то вкругу друзей, то въ толпѣ враговъ, но ненавидѣлъ мертвенность спокойствія. Теперь, когда мнѣ нечего ни ненавидѣть, ни любить, когда не стало болѣе для меня ни счастья, ни надежды, я предпочелъ-бы быть мельчайшимъ насекомымъ, ползающимъ по стѣнамъ мрачной тюрьмы, чѣмъ по цѣлымъ днямъ моего однообразнаго тоскливаго существованія — смотрѣть и думать. Въ моей груди таится потребность спокойствія, но я не желалъ-бы его переживать. Скоро моя судьба исполнитъ это желаніе и буду спать я, но не грезить о томъ, чѣмъ прежде былъ, чѣмъ буду послѣ, какъ-бы ни казались тебѣ ужасными мои дѣянія; воспоминанія мои теперь ничто иное, какъ кладбище давно умершихъ радостей, моя надежда — ихъ судьба; было-бы лучше если-бы я умеръ

вмѣстѣ съ ними, чѣмъ такъ печально влечить жизнь. Душа моя не отступила отъ пытки непрерывной скорби, и не искала смерти въ самоубійствѣ подобно многимъ тезумамъ древнихъ с новыхъ временъ.

Впрочемъ, я не избѣгалъ смерти и былъ-бы радъ ее найти на полѣ битвы, если-бы я ее искалъ, какъ рабъ славы, а не какъ рабъ любви.

Я пренебрегалъ смертію не ради тщеславнаго самохвальства; мнѣ все равно, что выигранная, что проигранная лавры; пусть другіе о томъ хлопчутъ за гуль молвы, или за деньги; но поставь опять передо мною, то, что я считаю достойной цѣлью—любимую женщину или ненавистнаго мнѣ врага—я брошусь въ желѣзную сѣчу, въ трескучій огонь, чтобы по указанію судьбы спасать или убивать. Не сомнѣвайся въ томъ, что я способенъ сдѣлать то, что уже сдѣлалъ. Смерть есть то, чѣмъ смѣлый пренебрегаетъ, чему слабый покоряется, чего несчастный просить. Пусть жизнь идетъ назадъ къ тому, кто далъ ее, я не смутился отъ взора опасности, когда былъ славенъ и могучъ — теперь недавно.

.

„Я любилъ ее, отецъ святой! нѣтъ обожаль—но слова эти можетъ сказать всякій. — Я доказалъ мою любовь скорѣй дѣлами, чѣмъ словами; ты видишь кровь на этой стали, это пятно на немъ осталось на всегда.

Кровь эта была пролита за ту, которая погибла за меня, кровь эта согрѣвала сердце ей ненавистнаго злодѣя. Не ужасайся — нѣтъ — не преклоняй колѣна и не

ставь это въ счетъ моихъ грѣховъ; ты мнѣ простишь мое дѣяніе уже потому, что онъ былъ вѣры твоей врагъ! Одно названіе Назарейскаго для мусульманина горчей полыни. Неблагодарный сумасбродъ! не будь не многихъ молодцовъ, бойко владѣющихъ мечемъ, и ранъ смертельныхъ отъ галилейскихъ рукъ—прямаго пути въ турецкій рай—то гуріи долго его ждали-бы у воротъ пророка. Я любилъ ее—любовь найдетъ дорогу тамъ, гдѣ страшно проходить волкамъ и если у нее достанетъ смѣлости, то она рѣдко не вознаграждается. Что нужды, какъ, зачѣмъ и гдѣ, довольно знать тебѣ, что вздыхалъ, страдалъ я не напрасно. Но иногда, съ укоромъ совѣсти, я радуюсь, что она не знала другой любви. Она умерла: не смѣю сказать какъ, но взгляни—это написано на челѣ моемъ; на немъ ты можешь прочесть проклятiе и преступленіе Каина, начертанное буквами, которыхъ время не могло изгладить; но подожди, не произноси пока твоего приговора, смерть ея не была дѣломъ моихъ рукъ, я только былъ тому причиной. Я сдѣлалъ-бы съ нею тоже, если-бы она была невѣрна мнѣ. Она ему измѣнила, онъ погубилъ ее. Она меня любила, я его убилъ. Она заслуживала казни, но ея измѣна была мнѣ вѣрностію; она мнѣ отдала свое сердце, одно, чего тиранія подавить не можетъ; а я, о Боже! пришелъ уже поздно, чтобы ее спасти—я отдалъ все, что могъ отдать, я далъ могилу нашему общему врагу; смерть его не тяготитъ на моей совѣсти, но ея смерть меня сдѣлала тѣмъ, что даже ты способенъ меня возненавидѣть. Его судьба была рѣшена, онъ это зналъ,

бывъ предваренъ суровымъ голосомъ *Тагира*, въ ушахъ котораго гудѣла пророческая палъба (1). когда его отрядъ шелъ къ тому мѣсту, гдѣ погибъ онъ!

Онъ палъ въ пылу сраженія мгновенной смертію. безъ агоніи, безъ страданій — воззваніе къ Магомету о помощи, молитва къ Аллаху, вотъ всё, что произнесъ онъ. Во время боя онъ меня узналъ и прямо бросился ко мнѣ. Я смотрѣлъ на него. когда лежалъ онъ и наблюдалъ какъ духъ его по малу тасъ. Раненный какъ

(1) Я былъ очевидцемъ подобнаго случая, втораго слуха, какъ они его называютъ. Во время моеи третьей поѣздки къ мысу Колонна въ 1841 г., проходя ущелье между Кератія и Колонна, я замѣтилъ что Дервишъ-Тагири безпрестанно сходилъ съ дороги и прикладывалъ руку къ уху. На вопросъ мой, что это значитъ, онъ отвѣчалъ мнѣ. «Мы въ опасности» — какая опасность? теперь мы не въ Албаніи и не въ ущельяхъ Эфескихъ, Миссолонги или Лепанта, конвой нашъ многочисленъ, хорошо вооруженъ, а хориаты не достаточно храбры, чтобы сдѣлаться разбойниками. — «Все это такъ Эфенди а все таки свистъ пуль раздается въ моихъ ушахъ». — Да, сегодня не было слышно ни одного выстрѣла — «а я слышу, бумъ, бумъ, такъ явственно, какъ ваши слова.» — Ну вотъ вздоръ! — «Какъ вамъ угодно эфенди, но что написано то написано» — Я оставилъ этого фантазера съ его мечтательнымъ слухомъ и обратился къ Базилі, его земляку христіанину, коего непророческій слухъ не могъ въ этомъ ничего понять. Мы прибыли въ Колонну и пробывши тамъ нѣсколько часовъ, пустились обратно; дорогой мы перекидывались на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, остротами и насмѣшками на счетъ бѣднаго турка. По возвращеніи нашемъ въ Афины, я узналъ отъ Лепне (пѣвца въ послѣдствіи отпущеннаго), что майноты имѣли намѣреніе на насъ напасть, (справиться съ второю пѣсней Чайльдъ-Гарольда), но для того чтобъ болѣе въ томъ убѣдиться, я его подробно разспрашивалъ, и онъ съ такою точностію рассказалъ: сколько насъ всѣхъ тогда было, какъ мы были вооружены и какъ одѣты, что я не сомнѣвался, что и самъ онъ былъ въ числѣ майнотовъ, которые готовили намъ не совсѣмъ пріятную встрѣчу. Дервишъ былъ всеми признанъ пророкомъ, и вѣроятно въ его ушахъ стало шумѣть болѣе чѣмъ когда-нибудь къ общему удовольствію бератскихъ арнаутовъ, ограждающихъ отъ нападенія родная горы. Я приведу второй примѣръ, обрисовывающій этотъ странный народъ. Въ Мартѣ 1844 г. одинъ арнаутъ, красавый, расторопный малый, явился ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ — онъ былъ 30-лѣтнему, которому я отказывалъ. «Хорошо эфенди, желаю вамъ жить долго! я былъ бы вамъ полезенъ, я завтра оставляю городъ и удаюсь въ горы, возвращусь къ началу зимы, вы можете быть меня тогда возьмете.» — Дервишъ, присутствовавшій при этомъ, замѣтилъ, что онъ вѣроятно присоединится къ *клефтамъ* (разбойникамъ), что оказалось совершенно вѣрнымъ: тотъ кто не бываетъ убитъ, возвращается къ зимѣ въ городъ, гдѣ никто не думаетъ его беспокоить, хотя всѣ знаютъ о его подвигахъ.

барсъ стрѣлою охотника навьлетъ, онъ однакоже не чувствовалъ и малой доли всего того, что чувствую я теперь. И тщетно на его лицѣ высматривалъ судорожность страждущей души: всѣ черты выражали бѣшенство, но не раскаяніе. О! чего не дала-бы мечь, чтобъ начертать отчаяніе на лицѣ умирающаго врага! чтобъ видѣть позднее раскаяніе, когда покаяніе не можетъ болѣе ослабить ужасъ смерти, когда оно безсильно насъ спасти или успокоить!

.....

„Въ людяхъ холоднаго климата кровь холодна; любовь ихъ едва-ли стоитъ этого званія; моя же любовь была какъ потокъ лавы, кипящей въ пламенной груди Этны. Я не умѣю напѣвать сладкія рѣчи о нѣжной страсти, о цѣпяхъ красоты. Но если внезапное измѣненіе въ лицѣ, жаръ въ крови, дрожащія уста не проносящія жалобы; если трепещущее сердце и изступленіе разсудка, если смѣлая дѣйствія и мстительный клинокъ, если все то, что я чувствовалъ и чувствую теперь, доказываютъ любовь, то такова была моя любовь, высказывавшаяся многими признаками страданія. Я не умѣлъ, ни плакать, ни вздыхать, а только обладать или умереть; я умираю — но обладалъ кого любилъ, и какъ-бы ни было, но счастье зналъ.

Могу-ли я упрекнуть судьбу, которую самъ искалъ? Нѣтъ — я все утратилъ, но духомъ не упалъ; не будь мысли о погибшей Лейлѣ! дай мнѣ опять радость вмѣстѣ съ горемъ, я буду жить и вновь любить. Я жалѣю, отецъ святой, не о томъ, котораго скоро не будетъ, а

о той, которой уже нѣтъ: она спитъ подъ зыбкою волной. о! если-бы она была въ земной могилѣ. мое разбитое сердце легло-бы съ нею рядомъ въ тѣсномъ гробу.

Она была олицетвореніемъ жизни и свѣта. какъ только я ее увидѣлъ. она стала моимъ зрѣніемъ и являлась всюду, куда я обращалъ мой взоръ. утренняя звѣзда моей памяти!

„Да. любовь точно небесный свѣтъ; искра безсмертнаго огня намъ съ ангелами общая, данная Аллахомъ, чтобъ возносить отъ земли наши грѣшныя желанія. Набожность возносить душу къ небу, а въ любви само небо нисходитъ въ душу; чувство это взято отъ божества, чтобъ вытѣснить изъ сердца все грубья побужденія; лучъ того, который создалъ все; ореоль, сіяющій вокругъ души! Согласенъ, что любовь моя была не безъ упрека, была лишь тѣмъ, чѣмъ ее люди разумѣютъ; считай ее преступной, если хочешь, но скажи, о! скажи, что ея любовь была не грѣхъ.

Она была неотступный свѣтъ моей жизни; погасъ онъ—что же можетъ освѣтить мракъ, въ который погруженъ я? О! зачѣмъ онъ не сіяетъ болѣе, чтобъ вести меня на смерть или къ страданіямъ болѣе тяжкимъ? Что же удивительнаго, что тѣ, которые утратили счастье въ прошломъ и надежду въ будущее не могутъ совладать съ горемъ въ настоящемъ: что въ изступленіи они винятъ свою судьбу, что въ бѣшенствѣ совершаютъ дѣйствія, которыя къ страданіямъ присоединяютъ преступленія? Увы! мое сердце, внутренно

обливающееся кровью. не страшится ударовъ внѣшнихъ: кто сорвался съ своего блаженства. тому все равно въ какую падаетъ онъ пропасть. Теперь. старикъ, мои дѣянія тебѣ кажутся кровожаднѣе дѣль коршуна; на твоёмъ лицѣ я читаю отвращеніе: вотъ этого мнѣ еще недоставало испытать! Правда. что слѣдъ мой на землѣ. какъ хищной птицы слѣдъ — обогреть кровью. за то на голубя я тѣмъ похожъ, что умираю. не зная другой любви. Урокъ этотъ данъ человѣку существами. которыми онъ дерзаетъ пренебрегать. Птица. поющая въ кустарникѣ, лебедь, плавающій по озеру, имѣютъ одну подругу и навсегда только одну. Пусть легкомысленный человѣкъ. склонный къ переменамъ, издѣвающійся надъ постоянствомъ. расточаетъ свои насмѣшки. предъ вѣтренною молодежью; я не завидую его разнообразнымъ наслажденіямъ. но считаю такого ничтожнаго, бездушнаго человѣка, нестоющаго одинокаго лебедя, и многимъ-многимъ ниже легковѣрной дѣвушки. которую онъ соблазнилъ и обманулъ. Въ такихъ поступкахъ я не виновенъ—Леила! каждая мысль моя была тобою полна! Ты была все мое доброе, мое преступленіе. моя радость, моя печаль, моя надежда тамъ—мое все здѣсь. Тебѣ подобной нѣтъ на свѣтѣ, да если-бы и была. то что мнѣ въ томъ: за міръ я не взгляну на женщину, съ тобою схожую, точь въ точь, если она не ты; тому порукою преступленіе моей молодости и смертный часъ мой! Все это слишкомъ поздно и напрасно — ты была. ты есть любимый бредъ моего сердца.

„Она погибла, я остался, но не жилъ жизнью человѣка; змѣя обвивала мое сердце, и мщеніемъ отравляла всѣ мои помыслы. Для меня время не текло; всякая мѣстность была мнѣ нестерпима, я съ отвращеніемъ отворачивался отъ лица природы; все что прежде меня въ ней восхищало, все носило отпечатокъ моей мрачной души. Ты знаешь остальное и всѣ мои грѣхи и часть моихъ страданій. Не говори о покаяніи, ты видишь—я скоро оставлю этотъ міръ: и если-бы даже твои увѣщанія были справедливы, то развѣ можешь передѣлать то, что уже сдѣлано? Не упрекай меня въ неблагодарности, но скорбь моя не изъ тѣхъ, которымъ можешь ты помочь (1).

Ты про себя тверди о судьбѣ моей души, но чѣмъ болѣе меня жалѣешь, тѣмъ меньше говори.

Если-бы ты могъ призвать къ жизни мою Леилу, то я умолялъ-бы твоего прощенія: я просилъ-бы твоего за меня заступничества у неба. Попробуй укротить львицу, у которой изъ лѣсной пещеры рука охотника исторгнула дѣтей: но не старайся облегчить — или осмѣять мои мученія!

„Въ дни моей юности, въ часы безмятежные, когда сердце съ сердцемъ жаждетъ слиться, тамъ, гдѣ цвѣтеть роцца въ моей родной долигѣ, былъ у меня, — ахъ! есть-ли нынѣ — былъ у меня другъ! Поручаю тебѣ передать ему этотъ залогъ воспоминанія юношескаго обѣта. Я желалъ-бы ему напомнить о моей кон-

(1) Увѣщаніе монаха выпущено умышленно. Какъ видно оно не производило особеннаго впечатлѣнія на умирающаго.

чинѣ. Душа. переполненная горемъ. какъ моя, дарить не частыми воспоминаніями друзей отсутствующихъ. но ему мое помраченное имя всегда было дорого. Странная вещь, но онъ предсказалъ мнѣ мою судьбу, а я смѣялся, — тогда я могъ смѣяться — когда благоразуміе, его устами, мнѣ давало наставленія, которыхъ я не слушалъ. Но теперь воспоминаніе мнѣ шепчетъ его слова. едва замѣченныя тогда. Скажи ему, что его предсказанія сбылись и онъ вздрогнетъ при этомъ словѣ и будетъ сожалѣть, что вышли вправду его слова.

Скажи ему, что если въ горькихъ тревожныхъ событіяхъ моей жизни я забылъ обо всемъ что занимало нашу свѣтлую молодость — то въ страданіяхъ мой замирающій голосъ желалъ произнести надъ нимъ мое предсмертное благословеніе, но разгнѣванное небо отвернулось-бы, если-бы преступный вздумалъ-бы молиться о невинномъ. Я не прошу его не осуждать меня, онъ слишкомъ добръ, чтобъ попрекнуть меня; да къ тому же какое мнѣ дѣло до молвы? Я не прошу его не горевать, такая холодная просьба казалась-бы насмѣшкой; но что же лучше слезъ мужественной дружбы можетъ украсить гробъ брата? Отдай ему вотъ это кольцо, которое прежде было его и расскажи ему, что видишь самъ: увядшій образъ, разбитую душу, обломки крушенія страстей, пергаментъ скорченный свитокъ, валяющійся листъ, оторванный осеннимъ вѣтромъ скорби.

.

„Не говори мнѣ болѣе, что это былъ призракъ моего воображенія; нѣтъ, отецъ, нѣтъ, это былъ не сонъ!! Увы!! чтобъ грезить, надо сперва заснуть. а я не спалъ и желалъ плакать; но не могъ. голова моя горѣла до глубины мозга какъ теперь; я просилъ только одной слезы, какъ нѣчто благодатное, новое, драгоценное, я желалъ ее тогда, желаю и теперь; отчаяніе сильнѣе моей воли. Не трать напрасно святыхъ молитвъ: мое отчаяніе сильнѣе ихъ. Кромѣ спокойствія мнѣ ничего не нужно. Это было тогда, я говорю тебѣ, отецъ! тогда я ее видѣлъ; да, она опять была жива; я ее видѣлъ сіяющей сквозь бѣлый синарь (1), какъ вижу сквозь это блѣдно-сѣрое облако звѣзду, на которую теперь смотрю, какъ смотрѣлъ на нее, но она казалась и кажется милѣй звѣзды; тускло я вижу ея дрожащій свѣтъ; завтрашняя ночь будетъ еще мрачнѣе; а я до появленія этой звѣзды на горизонтѣ уже буду, та безжизненная вещь, которой живой страшится. Я брежу, отецъ! душа моя стремится къ конечной цѣли... Я ее видѣлъ, отецъ святой! забывъ всѣ прошлыя страданія я всталъ, и соскочивъ съ моего смертнаго одра, прижалъ ее къ моему сердцу; я ее обнялъ крѣпко, крѣпко... И что же я обнимаю? не живой образъ, сердце которое не отвѣчаетъ біеніямъ моего сердца, а все же Леила, все же твой образъ! Развѣ ты другъ мой, такъ измѣнилась, что явилась моему зрѣнію, чтобъ обмануть мое осязаніе? Ахъ! какое дѣло, что ты холод-

(1) Синарь — саванъ.

на какъ ледъ. лишь-бы я обнималъ все то, что желалъ прижать къ моей груди! Увы! руки охватывающія тѣнь падаютъ пустыми на мою грудь; а все же она здѣсь! стоитъ безмолвно п умоляющими руками меня зоветъ! Волосы ея все также въ косы заплетены, черные блестящія глаза все тѣже! говорилъ я что это ложно — она не могла умереть! Но онъ погибъ! я видѣлъ самъ какъ схоронили его въ долинѣ, гдѣ онъ палъ; онъ не придетъ, нѣтъ, онъ выйти изъ земли не можетъ; а ты Леила! зачѣмъ не спишь спокойно? Мнѣ говорили, что свирѣпыя волны катятся по лицу, которое я вижу, по тѣлу, которое люблю; мнѣ говорили... рассказъ страшный! Я рассказаль-бы, но отнимается языкъ: если правда что ты приходишь изъ пещеры океана просить о болѣе спокойной могилѣ. О! приложи ко лбу моему прохладныя руки, онъ такъ горѣтъ не будетъ, или положи ихъ на мое безнадежное сердце! Но тѣло или тѣнь, чтобъ ни была ты, — умоляю, не покидай меня или унеси съ собою мою душу туда, куда не доходятъ ни вѣтра свистъ, ни ревъ волны.

„Ты знаешь мое имя, и мою повѣсть. Исповѣдникъ! тебѣ я прошепталъ на ухо всѣ мои скорби; благодарю тебя за милосердную слезу, какую никогда погасшій глазъ мой пролить не могъ. Похорони меня между простыми смертными и кромѣ креста у изголовья, чтобъ никакая надпись, ни памятникъ, не привлекали любопытство странника, не останавливали пилигрима.

.

Онъ умеръ—не оставилъ послѣ себя ни признака, ни слѣда о своемъ имени и родѣ; кромѣ того что слышалъ отъ него монахъ въ предсмертнѣйшій часъ, чего онъ рассказать не долженъ.

Этотъ отрывистый рассказъ заключаетъ все, что знаемъ мы о той, которую онъ любилъ, о томъ котораго убилъ!

